

Михаил Салтыков-Щедрин

Снопы

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Снопы

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132875

Аннотация

Салтыков начинает настоящую рецензию с парирования обвинений в «клиентизме» и «наездничестве», вызванных его предыдущей рецензией на «Сочинения» Полонского. Он повторяет свою прежнюю оценку творчества Полонского и подтверждает ее анализом двух произведений поэта, включенных в новый сборник (роман «Признания Сергея Чалыгина», аллегория «Ночь в Летнем саду»). И то и другое, по его мнению, свидетельствуют о том, что «неясность мирозерцания есть недостаток настолько важный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю». Так Салтыков еще раз формулирует одно из главных положений своей эстетики.

Содержание

Примечания
Комментарии

21

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Снопы

Стихи и проза Я. П. Полонского. СПб. 1871

По поводу сочинений г. Полонского случилось небольшое недоразумение. В прошлом году, разбирая том вышедших в свет стихотворений этого автора, мы выразились, что в литературной деятельности г. Полонского не усматривается никакого определенного характера и что по некоторым из произведений его прихотливой музы трудно даже угадать, чего он хочет и что желает сказать. Отзыв этот вызвал протест со стороны г. Тургенева и, по-видимому, не остался без влияния и на самого г. Полонского. Первый объяснил наше отношение к г. Полонскому очень простою причиною: клиентизмом; второй, в предисловии к «Снопам», упоминает о «литературных и нелитературных врагах», которые топчут его жатву «ради барской или наезднической потехи». Очевидно, что и г. Тургенев, и г. Полонский видят в критике нечто вроде домашнего дела, в котором рецензент, рассматривающий произведения того или другого автора, обязывается руководствоваться не действительною их стоимостью, а какими-то иными соображениями, из которых некоторые могут быть даже совершенно ему неизвестны.

Обвинения в клиентизме и наездничестве огорчили нас; но огорчение все-таки было не настолько велико, чтобы заставить нас согласиться с мнением о правильности домашних отношений критики к литературным деятелям. Мы остались при прежнем убеждении, что мнение это совершенно негодно и что уже со времен Белинского его следует считать упрядненным.^[1] Критика имеет дело не с личностью, а с произведениями автора, и все, что мог заставить нас сделать энергический протест г. Тургенева, – это еще раз проверить выраженное нами в прошлом году мнение о сочинениях г. Полонского, что нами и исполнено по поводу издания «Снопов».

К сожалению, мы и теперь не имеем ни малейшего основания отступить от высказанных прежде заключений, несмотря на то, что в «Снопах» помещены, между прочим, «Признания Сергея Чалыгина», которые г. Тургенев в особенности рекомендовал нашему вниманию.^[2] Эти «Признания» нимало не объяснили для нас ни литературной физиономии г. Полонского, ни его мирозерцания, а ежели в «Снопах» можно найти какие-нибудь указания по этому предмету, то их следует искать не в «Признаниях», а в другом не менее капитальном произведении того же автора, носящем название «Ночь в Летнем саду». Но и здесь указания свидетельствуют лишь о недоразумениях, и притом о таких недоразумениях, которые положительно говорят не в пользу автора.

Мы не принадлежим к числу критиков, которые, по мнению г. Полонского, утверждают:

Что вовсе не цветы прекрасны, а картофель... —

и даже, признаемся откровенно, совсем не знаем критиков, которые проповедовали бы подобную галиматью; но мы утверждаем, что неясность мирозерцания есть недостаток настолько важный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю. В этом нас убеждают примеры таких великих и общепризнанных художников, как Сервантес, Гете, Шиллер, Байрон и друг., которые всегда полагали в основу своих произведений действительные стремления и нужды человечества и, сверх того, умели с полной ясностью определить свои отношения к этим стремлениям и нуждам. Если произведения этих писателей имели в свое время громадное воспитательное значение, если это значение и поныне не утратило своей силы, то объяснения этого факта следует искать именно в их тенденциозности, в том, что они беседовали с читателями не о сновидениях, а раскрывали перед ними ту жизненную разрозненность и смуту, под гнетом которых страдало и страдает человечество. «Дон-Кихот», «Чайльд Гарольд», «Фауст», «Разбойники» — все это произведения в высшей степени тенденциозные, и, стало быть, требуя от литературного деятеля, чтобы он избегал оговорок и с полной ясностью определял свои отношения к вещам мира сего, мы

не только не являемся отрицателями здоровых преданий искусства, но, напротив того, не отступаем от них ни на шаг.

С другой стороны, мы не принадлежим и к числу тех придирчивых критиков, которые к второстепенным литературным деятелям относятся с теми же требованиями, как и к деятелям, намечающим эпохи в истории искусства. Мы очень хорошо понимаем, что нельзя винить человека в том, что он не совместил в своей груди всех скорбей человечества; мы знаем, что полет воробья не может быть сравниваем с полетом орла; но сокращение наших требований в этом случае все-таки касается не основ мирозерцания, а только объема и глубины его. Когда писатель, имея перед собой образцы, указывающие ему истинный путь, все-таки отворачивается от вопросов жизни и предпочитает им любовные интриги синиц, мы имеем полное право и основание негодовать на него. Это доказывает одно из двух: или что он совсем не понимает и не может понимать истинных преданий искусства, или же что он обладает строптивым характером, который может со временем довести его до одичалости. В первом случае критике нет надобности ни убеждать, ни анализировать, а следует сразу зачислить писателя в разряд отчаянных; но во втором – она еще имеет надежду, что строптивый писатель тронется ее убеждениями, и ежели не вполне твердо станет на путь, указанный образцами, то, по крайней мере, не будет относиться к нему с презрением. И таким образом погибнет не до конца.

Следуя указаниям г. Тургенева, мы с большим вниманием прочитали все 342 страницы «Признаний Чалыгина» и за всем тем не вынесли из этого чтения ни общего, ни частного впечатления. Есть известная мягкость тона, которая (мы не отрицаем этого) не лишена некоторой привлекательности, есть намек на живой образ в лице матери Чалыгина и, пожалуй, в лице ее чичисбея Кремнева, но все это нимало не выкупает бессвязности и бесхарактерности целого. Заглавие «Признания» может только ввести читателя в заблуждение, потому что никаких «признаний», собственно, нет, а есть довольно бледная история детства, которая прерывается совершенно неожиданно и из которой невозможно вывести решительно никаких заключений. Очень может статься, что мы и ошибаемся, требуя от писателя, чтоб он прежде всего ясно сознавал цель, с которою взялся за перо, но ошибка эта принадлежит не нам собственно, а истории искусства и литературы. Без ясно сознанной идеи художественное произведение является сбродом случайностей, в котором даже искусно начертанные образы теряют значительную долю своей цены, потому что не существует органической связи, которая объясняла бы их участие в общей экономии художественного произведения. Какую мысль имел в виду г. Полонский, сочиняя свои «Признания»? Желал ли он представить нам просто картину русского дворянского воспитания, без всякого отношения к тем влияниям, которые имеют это воспитание на образование характера и дальнейшие судьбы чело-

века? или, быть может, имел он в предмете проследить эти влияния и в художественном образе воспроизвести их благотворность или зловредность? – На все эти вопросы «Признания» не дают никакого ответа, а потому и критика будет совершенно права, если скажет, что сочинение это лишено живой основы и не вызвано никакою внутреннею потребностью духа. По этой же причине и лица, скученные в этом сочинении, кажутся не имеющими законного места, несмотря на то, что некоторые из них, взятые сами по себе, не лишены привлекательности и даже оригинальности. Нет предвзятой идеи (не в смысле пригибания живых лиц требуем мы *предвзятой* идеи, а в смысле общих намерений произведения) – нет и животворящего духа. Разрозненность, случайность, вялость – вот характеристические качества произведений, отвергающих так называемую тенденциозность, и не выкупятся эти недостатки никакими подробностями, как бы искусно и ловко они ни были составлены.

Гораздо более характерною представляется другая капитальная статья г. Полонского – «Ночь в Летнем саду», хотя по форме своей она несколько напоминает «разговоры» двадцатых годов о том, «кто истинно добрый и счастливый человек?». Вся эта статья, от начала до конца, проникнута протестом против буйственного духа времени, утверждающего, что картофель прекраснее цветов, что орлам следует поучиться летать у ос, что щебетание снегиря приятнее соловьиного пения и множество других умных вещей в этом

роде.

Мы ничего не имеем против протестов, если они выражены ясно, хотя бы даже и с примесью некоторого преувеличения. Протестуйте против чего угодно: против солнечного света, против течения времени – все эти протесты мы примем без удовольствия, но и без озлобления. Мы оставляем за собой только одно право – право рассматривать ваши протесты и, в свою очередь, протестовать против них. Зачем вы требуете протеста одностороннего, протеста, исключительно обращенного в вашу пользу? Зачем вы, втаптывая в грязь целое общественное направление, ропщете, жалуетесь на каких-то врагов, обзываете их клиентами и наездниками, потому только, что люди этого направления, в свою очередь, находят ваши протесты лишеными разумных оснований? Согласитесь, что претензия подобного рода должна быть признана, по малой мере, нескромною.

Итак, мы охотно признаем всякого рода протесты, но, к сожалению, не можем не заявить, что в основании всех протестов, которые до сих пор появлялись в нашей литературе против буйственного духа времени, лежит или недоразумение, или совершенное непонимание тех явлений, о которых протестанты ведут речь. Мы очень легко можем доказать это, обратившись к произведению г. Полонского «Ночь в Летнем саду».

На сцене Летний сад в городе С.-Петербурге, в саду гуляет неосновательный мужчина. Мужчина этот нигде не мо-

жет найти себе места, ни к чему не может пристроиться. Готовился он в университет, но «непредвиденные обстоятельства» не позволили ему выдержать экзамен; поступил на службу, но далее писаря не пошел; стал писать стихи – но одни, прочитав произведения его музы, нашли, что в них преобладает чистая поэзия, другие – что в них преобладает гражданская скорбь. Это и не удивительно, потому что неосновательные люди тем и отличаются, что куда ни при-ткнутся – везде или экзамена не выдержат, или что-нибудь такое скажут, чего никто не поймет. В такой крайности, они обыкновенно приходят к тому, что самый лучший для них исход – это заниматься амурами. Так поступил и неоснова-тельный человек, которого рукопись издал г. Полонский. Он пришел в Летний сад на любовное свидание, но свидание не состоялось (даже в любовных занятиях эти люди несчастли-вы, ибо и тут действуют так, что никто ничего понять не мо-жет), и вот, застигнутый ночью, он остается в саду до утра. Дремота, полусон, фантастические видения. Оживает статуя Крылова, а за нею проникает дух жив и в тех низших пред-ставителей органической и неорганической природы (само собой разумеется, представители выбраны нарочито презри-тельные: кроты, лягушки, дождевики, осы, снегири, в про-тивоположность трудолюбивым пчелам, величественно па-рящим орлам и сладкогласным соловьям), которых некогда знаменитый баснописец заставлял говорить языком людей. Начинается всеобщий протест: тумба протестует против ста-

туи Юноны, оса против орла, снегирь против соловья, и больше всех протестует сам автор рукописи против дурной привычки протестовать.

Возьмем же наудачу несколько признаков, которыми, по мнению автора, характеризуется буйственный дух времени и против которых он обязывает протестовать каждого благонамеренного россиянина.

Признак первый: «слепорожденный крот» выползает из своей норы и доказывает:

Что вовсе не цветы прекрасны, а картофель...

Признак действительно замечательный, и если бы в натуре существовало учение, которое обожествляло бы картофель и сводило с пьедестала цветы, то, с точки зрения благоустройства и благочиния, можно было бы обеспокоиться принятием мер против излишнего его распространения. К счастью, однако ж, это учение всецело принадлежит «слепорожденному кроту», который когда-то слышал звон, да не знает, откуда он. Действительно, существует учение, утверждающее, что цветы можно нюхать, а картофель есть, и что как в процессе обоняния, так и в процессе еды в одинаковой степени не заключается ничего презрительного; но этим простым утверждением учение и ограничивается. Цветы сами по себе, картофель сам по себе, и ежели по временам еще требуется подкреплять столь простую истину дока-

зательствами, то потому только, что авторитет цветов признан даже неосновательными людьми, а авторитет картофеля оставлен в забвении, и, следовательно, необходимо вывести и его из тьмы и поставить на надлежащее место. Во всяком случае, что может быть понятнее, мирнее, спокойнее этого учения? Где тут повод для насмешки, а тем более для презрения?

Но неосновательные люди смотрят на это дело иначе. Они разделяют природу на две половины: прекрасную и гнусную. В первой помещают цветы, плоды и вольных птиц, во второй – траву белоус, овощи и пернатых, воспитываемых на скотных дворах. Почему это так и на каком разумном основании автор изданной г. Полонским «рукописи» противопоставил цветам картофель? что находит он презрительно-го в картофеле и почему картофель презрительнее цветов? На все эти вопросы автор, конечно, не даст никакого ответа, а не даст его и потому, что едва ли даже предполагает возможность вопросов в таком деле, которое испокон веку имеет за себя авторитет реторик и учебников, изданных для средних учебных заведений. Там строго-настрого предписывается делить природу на прекрасную и гнусную, ну, и он таким же образом делит да, вдобавок, еще сердится на тех, которые утверждают, что формы, в которых проявляет себя творчество природы, находятся в зависимости от точных и в данную минуту незыблемых законов, существование которых исключает даже самое предположение о прирожден-

ной презрительности или прирожденном благородстве этих форм.

Древние реторики, несмотря на всю путаницу, которую они произвели в понятиях, высказали одно очень мудрое и полезное требование, а именно: они обязывали писателей, намеревающихся поучать публику, предварительно задаваться вопросами: *cur? quomodo? quando? quibus auxiliis?*¹ и проч. Если б автор изданной г. Полонским «рукописи» последовал этому совету, он наверное отступился бы от какого бы то ни было разглагольствия на тему о превосходстве картофеля над цветами, ибо тотчас же нашел бы, что ни на какой вопрос, вытекающий из подобной темы, никакого ответа дать невозможно. Почему (*cur*) крот есть эмблема презрительности, а орел – эмблема благородства? – непочему. Каким образом (*quomodo*) случилось, что крот сделался эмблемою презрительности, а орел – эмблемою благородства? – никаким. Когда (*quando*) это случилось? – никогда. И до тех пор продолжался бы этот замечательный *colloquium*, покуда сам автор, наконец, не пришел бы в себя и не воскликнул: господи! да никак я в бреду нахожусь!

Да; надо всемерно стараться обдумывать то, что намереваешься пропагандировать, и это правило, обязательное для всех вообще мыслящих людей, еще более обязательно для писателей, потому что *verba volant, a scripta manent*².

¹ почему? каким образом? когда? с чьей помощью?

² слова улетают, написанное остается

Пусть представление об этом «manent» неотступно сопутствует каждому литературному деятелю, наверное тогда они и перестанут язвить картофель и не будут противопоставлять кротов орлам.

Другой, тоже достойный осмеяния признак буйственного духа времени – это склонность «ос» к естествознанию.

Не понимают,
И как бы не желают понимать,
Что я склонна к естествознанию
Почти на столько же, на сколько и к жужжанью...

Так жалуется оса, бесполезное и праздное насекомое, противопоставленное полезной и трудолюбивой пчеле. Оказывается, что пчелы уже давно обладают естествознанием (любопытно было бы видеть этих пчел), но не хотят делиться своими сведениями с осами, на том, конечно, основании, что по отношению к этим праздным и легкомысленным насекомым знание может быть только источником самой глубокой нравственной разнузданности. Истина эта уже не нова; еще г. Даль в оное время отстаивал право русского мужика на безграмотность,^[3] на том основании, что научите, дескать, слесаря грамоте, он сейчас же начнет ключи к чужим шкапулкам подделывать. Но допустим невозможное, предположим, что знание действительно вредно – на ком, спрашивается, лежит обязанность определить меру этого вреда и способы его устранения? Неужели на литературе? Нет, говоря

по совести, утверждать этого нельзя. Литература не может принять на себя этой задачи, потому что она призвана разрабатывать и распространять знания, а не укорачивать их. Ей нет дела до последствий ее пропаганды, хотя бы ею воспользовались осы, трутни, кроты и другие презрительные разновидности. Пускай знание не всем равно идет впрок (чтобы оно производило прямой вред, мы не решаемся даже сказать подобную нелепость), но в том, что осы, кроты и дождевики почувствовали потребность в знании, нет еще ничего вредного, ни достойного осмеяния. Может быть, они воспользуются знанием дурно, может быть, и совсем не воспользуются, но все это до такой степени гадательно, что позволительно делать предположения и в обратном смысле. Если бы осы жаловались на то, что не удовлетворяют их склонности бить баклуши, тогда действительно можно было бы пожуричь их, но видеть что-то неуместное в жажде к знанию, и именно к естествознанию, – это, по малой мере, опрометчиво.

Источник иронии, с которою автор изданной г. Полонским «рукописи» относится к жажде естествознания, по-видимому, кроется в том утвердившемся у нас мнении, будто естествознание подрывает цельность человеческого мирозерцания. Мнение это родилось первоначально на улице (едва ли даже не в среде городских), а с улицы мало-помалу проникло и в литературу. Но хотя уличные публицисты и утверждают, что человек счастливее тогда, когда он убежден, что гром пускает Зевес, нежели тогда, когда он зна-

ет действительные причины, обуславливающие гром, история до сих пор не представляла примеров, чтобы знание было причиной чьего-либо несчастья. Патагонцы^[4] обладают очень малыми знаниями, но это не делает их счастливыми; напротив того, например, мы, русские, обладаем достаточными знаниями и, вследствие того, чувствуем себя благополучными. Следовательно, ежели оса или еж требуют знания, не возбраняет им сие следует, но к тому их поощрять. Распространение знаний приносит все приятства, которыми мы уже пользуемся, и, вероятно, принесет со временем и другие приятства, которыми мы еще не пользуемся; единоторжие же в области знаний, напротив того, делает эти приятства уделом очень ограниченного меньшинства, а большинство ставит в необходимость или завидовать, или облизываться. Подумал ли автор изданной г. Полонским «рукописи», к каким последствиям может привести чувство зависти, особливо ежели будут приняты все меры к постоянному его раздражению? – нет, очевидно, он не подумал, ибо, в противном случае, он понял бы, что единственное средство умиротворить это чувство заключается в удовлетворении, по крайней мере, тех его требований, которые не заключают в себе ничего противозаконного. Крот жаждет естествознания – ну, и дайте ему его, а там, ежели он от него пропадет, то пусть на себя и пеняет. Во всяком случае, он уже не будет иметь поводов для зависти и ропота.

Но ежели автор не подумал об этом, то зачем не подумал

за него г. Полонский, взявший на себя труд издать его рукопись?

Наконец, третий признак (мы спешим покончить, хоть подобных признаков найдется еще не мало в этой злосчастной фантазии) выражается устами самого Крылова и состоит в том,

Что о свободе все пищат...

И, разумеется, лгут.

Тут всё ирония: и «все», и «пищат». Кто говорит о свободе? – «все», то есть не только столоначальники и благонамеренные литераторы, но сычи, осы, дождевики, кроты и т. п. сброд. Как они говорят? – ну, разумеется, «пищат», то есть несут всякую чушь, не понимая, в чем даже заключается понятие о действительной свободе... И смех, и горе! Смех, потому что если вообще писк не может не возбуждать смеха, то тем более должен быть смешон писк о свободе. Горе – потому, что всех этих маленьких насекомых, к сожалению, необходимо вразумлять, то есть просто-напросто воспретить им пищать о свободе.

Автор уважает свободу и называет ее «святою», но ему больно, когда об ней «пищат», и притом пищат «все». Как и по отношению к естествознанию, он желал бы, чтоб разговоры о свободе составляли предмет единоторжия людей вполне компетентных и подготовленных. Только тогда «свя-

тая» свобода не будет компрометирована, когда об ней спокойно будут рассуждать спокойные люди, и, порешив, что свобода есть свобода, разойдутся по домам... Все это прекрасно, но что же, однако ж, смешного в том, что «о свободе все пищат»? «Пищат» – ведь это только» значит, что говорят тем самым голосом, который дан природой; «все пищат» – значит, все хотят определить себе значение слова «свобода». Это ведь тоже своего рода любознательность, и притом настолько естественная, что ее почти можно назвать невольною, а стоит ли обращать бич сатиры на такой грех, который совершается невольно. И, наконец, ужели рычание о рабстве слаще для слуха, нежели даже самый смешной писк о свободе?

Таковы признаки буйственного духа времени, которые послужили темою для насмешек автора изданной г. Полонским рукописи. Любопытно было бы знать, каковы же идеалы самого автора? Кто эти орлы, пчелы, соловьи, которых он противопоставляет кротам, осам и снегирям?

Мы не назовем здесь этих орлов; за нас назовет их вся русская жизнь. Но идеалы назвать мы можем; они таковы:

Презрение к полезному.

Концентрирование знания в среде ограниченного меньшинства, в массах же – поддержание невежественности.

Возведение понятия о «свободе» на степень секрета.

Насколько величественны подобные идеалы – предостав-

ляем судить читателям.

Очень возможно, что и настоящая рецензия наша заслужит название придирчивой, внушенной клиентизмом и страстью к наездничеству; но мы не останавливаемся на этих упреках, ибо не имеем никаких сомнений насчет источника, из которого они выходят. С своей стороны, мы искренно желаем, чтоб наши пропагандисты уличной философии убедились наконец, что то, что они защищают, не имеет нужды в защите, а то, что осмеивают, не подлежит осмеянию.

Примечания

Условные сокращения

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М. – Л. 1933–1941.

ЛН – «Литературное наследство».

Неизвестные страницы – М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского, М. – Л. 1931.

Письма, 1924 – М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма. 1845–1889. Под ред. Н. В. Яковлева. Л. 1924.

ОЗ – «Отечественные записки».

С – «Современник».

ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Z. f. sl. Ph. – «Zeitschrift für slavische Philologie». Hsg. von Dr. Max Vasmer. B. IV, Doppelheft 1–2. Leipzig, 1927.

Снопы. Стихи и проза Я. П. Полонского. СПб. 1871.

ОЗ, 1871, № 2, отд. «Новые книги», стр. 199–208 (вып. в свет – 22 февраля). Без подписи. Авторство указано В. В. Гиппиусом – *Z. f. sl. Ph.*, S. 184; подтверждено С. С. Борщевским на основании свидетельства письма Тургенева к Полонскому от 24 апреля 1871 г., а также путем анализа текста – *изд. 1933–1941*, т. 8, стр. 516–519

Салтыков начинает настоящую рецензию с парирования обвинений в «клиентизме» и «наездничестве», вызванных его предыдущей рецензией на «Сочинения» Полонского (см. стр. 343 наст. тома). Он повторяет свою прежнюю оценку творчества Полонского и подтверждает ее анализом двух произведений поэта, включенных в новый сборник (роман «Признания Сергея Чалыгина», аллегория «Ночь в Летнем саду»)³. И то и другое, по его мнению, свидетельствуют о том, что «неясность мирозерцания есть недостаток настолько важный, что всю творческую деятельность художника сводит к нулю». Так Салтыков еще раз формулирует одно из главных положений своей эстетики.

Свое основное внимание Салтыков сосредоточивает на сатирическом произведении «Ночь в Летнем саду», в ко-

³ Кроме этих произведений, сборник «Снопы» включал рассказ «Женитьба Атуева» и двадцать стихотворений

тором действуют аллегорические персонажи. Это произведение уже не может быть названо бестенденциозным. Его тенденция – «антинигилистическая» (протест против «буйственного духа времени»⁴), проистекающая, однако, на сей раз не из явной реакционности воззрений, а из их неясности, либеральной расплывчатости и эклектизма. Расшифровывая объективный смысл аллегорических образов «Ночи в Летнем саду», Салтыков резко формулирует в заключение «идеалы» «литератора-прогрессиста», родившиеся «первоначально на улице (едва ли даже не в среде городских)». Еще более сатирически заостренно иносказания Полонского интерпретированы в четвертой главе «Итогов» (ОЗ, 1871, № 4. – См. т. 7 наст. изд., стр. 464⁵).

На рецензии Салтыкова Полонский ответил резкой полемической брошюрой «Рецензент «Отечественных записок» и ответ ему Я. П. Полонского» (СПб. 1871, ценз. разр. 14 марта). Полонский обвинял Салтыкова в тенденциозном и неверном истолковании его сатиры, в искажении его убеждений: «Издавая «Снопы» мои, разве мог я предвидеть, что журнал, печатающий такие дельные рассуждения о том, что

⁴ В. И. Кельсиев писал о «Ночи в Летнем саду» в реакционном «Всемирном труде»: «Из поэта – кроткого, мягкого, безответного, одним словом, из Полонского, вышел борец и каратель нашего современного литературного и общественного направления» (1868, № 9, стр. 125 второй пагинации) См. также отзыв о «Ночи...» Полонского в «Деле» (1868, № 12, Совр. обозрение, стр. 89–93)

⁵ Этот острый пассаж из «Итогов» безусловно является ответом на брошюру Полонского «Рецензент «Отечественных записок»...» – см. далее

такое справедливость, назовет меня, бывшего сотрудника «Современника», врагом народного образования или поборником невежества. Я думал, напротив, вы осмеете меня и за излишнее рвение к свету, и за излишнюю ненависть ко всякой лжи и невежеству» (Стр. 12). Либеральный эклектизм миросозерцания оказался роковым для Полонского, субъективно, возможно, не желавшего выступить против революционно-демократических идей и эстетики.

Комментарии

1.

...уже со времен Белинского его следует считать упраздненным. – В своем «протесте» Тургенев противопоставлял критику Белинского, которая всегда «шла по следу», критическим принципам «Отечественных записок».

2.

...«Признания Сергея Чалыгина», которые г. Тургенев особенно рекомендовал нашему вниманию... – в указанном письме-протесте в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» (см. И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 155).

3.

...еще г. Даль в оное время отстаивал право русского мужика на безграмотность... – См. т. 2 наст. изд., стр. 539.

4.

Патагонцы... – Как указал С. С. Борщевский, впервые Салтыков употребил этот синоним глуповца в «Письмах о провинции» (письмо двенадцатое – см. т. 7 наст. изд., стр. 336), а затем – в пятой главе «Итогов» (там же, стр. 472) и рецензии на «Повести» Н. Лейкина (наст. том, стр. 421).